

Литература

1. ANM. Pozustalost F.L.Riegera – Karton 33/2 (Kampelik F.C. – Riegeru F.L.); Kart. с 54/1 (Schneider K. – Rigeru F.L.); Kart. 45/4 (Podlipsky J. – Riegeru F.L.).
2. LAPNP. Pozustalost Hanka. Podlipsky-Hankovi, 25, XVII, 1839.
3. Cesti radikalni demokrate. Vybor politickyh stati. Uspofadal K. Kosik. – Praha, 1953.
4. Thun Leo. Uber den gegenwartigen Stand der bohmischen Literatur und ihre Bedeutung, – Praha, 1842.
5. Thun Leo. Die Stellung der Slovaken in Ungarn, Praha, 1843.
6. Thun Jos.Math. Der Slawismus in Bohmen. Besprochen von Jos.Math. graphen von Thun, – Praha, 1845, – 23 с.
7. Podlipska Z.Z let probyzeni. Pameti, a correspondence Bohuslavy Rayske (Antonie Cela-kovske). 1834 – 1844. D. I. Pr., 1972.
8. Малый Я. Воспоминания и заметки старого чешского патриота // Славянский ежегодник. Киев, год 2, 1877, с. 7 – 42.
9. Robert John Weston Evans, Chapter "Nationality in East-Central Europe: Perception and Definition before 1848". Austria, Hungary, and the Habsburgs: Essays on Central Europe, с. 1683 – 1867. Oxford. 2006.
10. Grigorieva A. Pan-Slavism in Central and Southeastern Europe // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. Т. 3. № 1. С. 13 – 21.
11. Pavlenko O. Russia's Mission in the World: the Geopolitical Debates. // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2013. № 21. С. 39 – 58.
12. Григорьева А.А. Панславизм: идеология и политика (40-е годы XIX – начало XX века). – Иркутск: Изд-во «Аспринт», 2013. – 200 с.
13. Лаптева Л.П. История Чехии периода позднего феодализма и раннего нового времени (1648-1849). – М.: Из-зво МГУ, 1998, с. 76.
14. Ненашева З.С. Идеино-политическая борьба в Чехии и Словакии вначале XX в. – М.: Наука, 1984.
15. Павленко О.В. Россия и Австро-Венгрия середины XIX – начала XX века: политические мифы имперской власти // Новая и новейшая история. 2014. № 1. С. 116 – 134.
16. Французова О.А. Использование метода суммарного анализа в изучении чешского политического панславизма 1 пол. XIX в. // Научные труды МПГУ: серия социально гуманитарные науки, М.: Прометей, 2004, С. 185 – 192.
17. Французова О.А. Панславизм в представлениях чешских консерваторов 1 пол XIX в. // Научные труды МПГУ: серия социально-гуманитарные науки, М.: Прометей, 2005, С. 262 – 267.

ИСТОРИЯ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

П.Б. Струве об экономической свободе, частной собственности и капитализме

к. ф. н. доц. Головин Я.Б.
Университет машиностроения
yarosgolo@mail.ru

Аннотация. В статье излагается представление П.Б. Струве об экономической свободе, частной собственности и капитализме на разных этапах его творческой эволюции. Указывается на культурную роль капитализма и свободной рыночной экономики. Утверждается связь экономической и политической свободы.

Ключевые слова: П.Б. Струве, капитализм, частная собственность, экономическая свобода.

Дебаты о приемлемости для России капиталистического пути развития не утихают в России со второй половины XIX века, с момента появления в русском языке самого понятия «капитализм». У значительной части населения России уважение к основополагающим капиталистическим ценностям, а лучше сказать, ценностям экономического либерализма: к экономической свободе и частной собственности, оказались подорванными в советский период российской истории. Ситуация не улучшилась и в постсоветский период. В этой статье обратимся к наследию выдающегося русского мыслителя и общественного деятеля П.Б. Струве (1870 – 1944), который на протяжении всей своей творческой жизни размышлял о причинах неукоренённости и неприживаемости ценностей экономической свободы, частной собственности, производительного труда на российской почве.

В начале своего творческого пути, в 90-е годы XIX века, Струве выступил как глава русских марксистов. В своей главной книге марксистского периода «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России» (1894) Струве выступил как самостоятельный теоретик, он не оглядывался на марксистскую ортодоксию, и в частности на марксистское более негативное, чем позитивное описание капитализма. В третьей части Струве пишет, что капитализм (примером которого являются США), отличается от докапиталистического производства (примером которого является значительная часть экономики России) не качественно, а количественно, а именно, интенсивностью отношений обмена. Обмен существует в любом, даже первобытном обществе. Капитализм – это только высшая и наиболее эффективная форма обмена продукцией. Российская кустарная промышленность не противоположна, а является вариантом капиталистического производства (она работает на рынок) только с более низкой производительностью. Капитализм возникает как ответ на исторический вызов, в российском варианте – перенаселение деревни. Труд специализируется, обмен возрастает, производительность увеличивается, материальные богатства растут. Именно таким путём будет развиваться русская деревня, полагал Струве. Капитализм приводит к серьёзным положительным сдвигам как в политической системе – ликвидируются остатки крепостничества – так и в культурной сфере: «Часто забывается эта культурно-историческая связь экономического прогресса с институтом частной собственности, принципами экономической свободы и чувством индивидуализма... Мы не чувствуем никакой особенной симпатии к этим началам и прекрасно понимаем их исторически преходящий характер, но в то же время мы не можем не видеть в них огромной культурной силы, не только отрицательной, но и положительной... Пример Северной Америки и наша собственная экономическая действительность прекрасно демонстрируют указанную зависимость. Первый пример поучителен тем, что тут мы имеем дело с обществом, культурный уровень которого, быть может, самый высокий в мире» [1, с. 91]. Из этой теории и следовал заключительный вывод книги, который стал афоризмом и визитной карточкой автора: «Признаем нашу некультурность и пойдём на выучку к капитализму».

Столь необычное превознесение Струве капитализма привело к тому, что его критики в один голос заявили, что автор не социалист и не марксист, он выражает точку зрения не пролетариата, а буржуазии. Н. Даниельсон назвал Струве «идеологом плутократии». В. Воронцов писал, что Струве проповедует такую государственную политику, которая создаст в деревне большое число мелких частных собственников. В результате возможность перехода к социализму, для чего по Марксу необходимо разделение общества на небольшую группу эксплуататоров и большую массу эксплуатируемых, станет неосуществимо. «Таким образом, будучи в научном отношении представителями буржуазной экономической школы, в практическом отношении названные писатели (Струве и А.И. Скворцов – Я.Г.) являются типичским, но умеренными буржуа» – заключал Воронцов [2, с. 112 – 113].

А как можно объяснить тот факт, что глава русских марксистов превозносит капитализм? У Струве отсутствовали те психологические черты, которые делали и делают людей социалистами – острое восприятие царящей в мире социальной несправедливости, желание помочь бедным, убогим, обделённым жизнью, неприятие эксплуатации. Струве горячо желал свободы, именно она вызывала в нём страсть, но он отнюдь не горел желанием социальной

справедливости. В своих воспоминаниях он писал: «Я стал приверженцем социализма чисто рассудочным путём, придя к заключению, что таков исторически неизбежный результат объективного процесса экономического развития. Ныне я этого больше не думаю – на основании всех моих экономических изучений и всего моего жизненного опыта. Но в то время этот взгляд на социализм сложился во мне под влиянием различных впечатлений и разнообразного чтения» [3, с. 116]. Струве далее пишет, что все передовые элементы в России того времени не сомневались в наступлении социализма во всём мире рано или поздно. При этом социализм для всех, и соответственно, для Струве был далёким идеалом, а насущными проблемами России он видел отсутствие политических свобод и низкий уровень экономического развития. Тот факт, что марксистская социал-демократическая теория и практика давали надежду на решение этих проблем, и предопределил интерес Струве к социал-демократии и марксизму.

После разрыва с марксизмом Струве стал глашатаем культурной роли капитализма и необходимости повышения культуры труда и ответственной трудовой деятельности. В статье 1908 года «Интеллигенция и народное хозяйство» он пишет, что русская интеллигенция воспитывалась на идее безответственного равенства. И в западной, и в славянофильской ипостаси интеллигенция видела в промышленном капитализме только «неравное распределение» и «хищничество» и не понимала его роли в процессе хозяйственного воспитания и самовоспитания общества. Струве призывает к перестройке интеллигентского мировоззрения. Интеллигенция «должна понять, что производительный процесс есть не "хищничество", а творчество самых основ культуры... Развитие производительных сил должно быть понято и признано как национальный идеал и национальное служение» [4, с. 84 – 85]. В этой же статье он провозглашает важнейшую для своего мировоззрения идею личной годности. Экономический прогресс основан на торжестве более производительной хозяйственной системы над менее производительной, а основой более производительной системы всегда является более развитая человеческая личность. Для характеристики того аспекта личности, от которого зависит более высокая производительность труда, Струве и вводит понятие «личная годность». Личная годность – это совокупность определённых духовных свойств личности: выдержки, самообладания, добросовестности, расчётливости. «Идею годности англичане выражают словом *efficiency*, немцы – словом *Tuchtigkeit*. Француз скажет *force* и будет прав. Ибо годность – это сила» [4, с. 81]. Идея личной годности позволяет требовать чего бы то ни было, например равенства, только в случае взятия на себя обязательства оправдать своим личным поведением эти требования. «Если идея личной годности есть идея "буржуазная", то я утверждаю, что всякий европейский рабочий – органический "буржуа", который в своём поведении так же не может отрешиться от этой идеи, как человек вообще не может разучиться передвигаться на двух ногах» [4, с. 82]. Прямой противоположностью идее личной годности является идея личной безответственности, характерная для социализма. По Струве, идеи личной безответственности и идеи равенства преобладали в русском народе и в русской интеллигенции в период революции 1905 года. Пока идея личной годности не укоренится в русском самосознании, заключает Струве, не стоит ждать ни экономического, ни политического прогресса в России. Об актуальности идеи личной годности свидетельствует статья А.А. Кара-мурзы «П.Б. Струве и развитие им концепции "личной годности"» [5], где автор показывает, что Струве оценивал через призму этой концепции не только экономическую деятельность и эффективность, но и результаты любой деятельности вообще, в том числе в сфере политики.

После революции 1917 года и гражданской войны, уже в эмиграции, Струве со всей остротой осознал, что экономическая свобода и частная собственность есть фундамент политической свободы и свободы личности, тем более, что у него перед глазами был опыт СССР. В 1921 году Струве пишет статью «Итоги и существо коммунистического хозяйства», где среди прочего возвращается к идеалам и ценностям Великой французской революции: «Декларация прав человека и гражданина не даром в перечень этих прав внесла право собственности; не даром у этой подлинно великой революции был пафос экономической свободы...

Русский экономический опыт тем назидателен, что он вновь показал и доказал миру то, что люди XVIII века понимали с полной ясностью, наши же современники, казалось, стали легкомысленно забывать, а именно, что право собственности и экономическая свобода индивида есть необходимая принадлежность и в то же время главная гарантия свободы личности» [6, с. 317 – 318].

С 1925 года Струве начал печатать свой «Дневник политика», в котором не только реагировал на текущие события, но и делал важные обобщения, касающиеся философских оснований политики. В апреле 1927 года Струве пишет очередной номер, «Фашизм и социализм», и в нём он среди прочего обращает внимание на то, что идея экономической свободы уже как минимум сорок лет обороняется против ведущегося на неё натиска сначала со стороны социализма, потом – фашизма. Нападки на капитализм есть нападки на идею и реальные воплощения экономической свободы. Хотя экономическая свобода, продолжает Струве, не есть какое-то абсолютное начало, хотя те формы и учреждения, в которых она воплощается также не носят абсолютного характера, «но, зная это, мы на опыте великой войны с её “военным социализмом” и на опыте революций всех стран с их социалистическими увлечённостями и чрезмерностями, познали всю огромную цену экономической свободы. Она не есть для нас ни абсолютный догмат, ни фетиш, но в то же время она именно для наших поколений стала неоспоримой и великой ценностью, за которую стоит и должно сражаться во всех смыслах» [7, с. 252].

В конце 1927 в очередном номере «Дневника политика» Струве размышлял над актуальными задачами, стоящими перед русской эмиграцией и отчеканил результат размышлений в короткой формуле: «Господа, когда вас спрашивают, что нужно России, смело отвечайте: во-первых, свобода, во-вторых, свобода, в-третьих, свобода». И раскрывая эту формулу, он пишет, что основанием любой свободы является хозяйственная свобода, а та, в свою очередь, неразрывно связана с собственностью. И далее «Политическая свобода есть не что иное, как тончайший плод, как преображение, как, выражаясь известным фрейдовским термином, сублимация или – в переводе этого термина на русский язык – благороднейшая вытязка из свободы хозяйственной. Там, где рушится свобода хозяйственная, не может быть никакой свободы, ибо хозяйственная свобода есть для всякого человека свобода самая основная, и для среднего человека, для обывателя, свобода самая интимная и нужная...» [8, с. 363].

Когда Струве случалось в эмигрантский период употреблять термин «капитализм», он нередко оговаривался: «Я употребляю для простоты слово «капитализм», хотя этому слову не соответствует никакого точного понятия и по своему происхождению оно есть обличительная кличка, пущенная в ход публицистом, а не учёным. Слово это для посрамления своих идейных врагов изобрёл Луи Блан» [9, с. 572 – 573]. А ведь этот термин и сегодня несёт далеко не нейтральную, а в российском контексте и отрицательную смысловую нагрузку.

Летом 1929 года в очередном номере «Дневника политика» Струве большое внимание уделил разъяснению понятия «капитализм». Он в очередной раз доказывал, что за этим понятием стоят позитивные ценности свободного рыночного хозяйствования: «Слово «капитализм», как я уже неоднократно указывал, есть неудачное обличительно-публицистическое речение, вычеканенное социалистом Луи Бланом для посрамления «капиталистов» и для возвеличивания социализма. И как-никак это слово привилось и стало общепринятым. Он выражает, правда, плохо, во-первых, начало и порядок хозяйствования свободного в его противоположении хозяйствованию тяглово-казённому, каким и по замыслу, и в советском осуществлении является социализм. Он выражает, во-вторых, но тоже очень плохо, – начало и порядок открытого товарно-денежного, приобретательского хозяйствования на рынке в его противоположении замкнутому, натуральному, потребительскому хозяйствованию, не знающему рынка. Таким образом, суть того, что в просторечии именуется «капитализмом», состоит именно в хозяйствовании свободном и в то же время товарно-денежном! И именно сохранение, и восстановление, и развитие этой общечеловеческой формы свободного хозяйствования, с которой неразрывно связаны и начала собственности, и гражданский правопо-

рядок, основанный на свободе лица, есть основное условие развития культуры в нашем отечестве» [10, с. 452]. В последней фразе Струве затрагивает важную для всего его творчества идею культуры, которая имела для него почти религиозный смысл. Любая общественная идея, сила и действие ценны постольку, поскольку способствуют возрастанию культуры. И экономическая свобода как в идее, так и на практике, является для него чуть ли не первым фактором, способствующим возрастанию культуры.

Один из номеров «Дневника политика» осенью 1931 года Струве специально посвятил дискуссиям о конце капитализма: «Разные любительские толки о «конце» капитализма льют только воду на мельницу тех, кто желает «прикончить» капитализм, а с ним вместе свободу и культуру, выросшую на началах, выработанных вековой историей человечества». Отказ от ценностей капитализма, то есть экономической свободы и частной собственности, слабая их укоренённость в сознании народа и интеллигенции стали, по мнению Струве, важнейшей причиной большевистской революции: «Ведь культура в России кончилась именно потому, что одураченные болтовнёй и пропагандой о «конце капитализма» массы дали фанатикам, палачам и честолюбцам увлечь себя и в порядке «потока и разграбления» прикончить «капитализм», в результате чего Россия голодает и дичает, и это будет продолжаться до тех пор, пока она по существу не вернётся к – капитализму – под каким угодно названием» [11, с. 638]. В последнем замечании Струве оказался прав: возвращение России на магистральный путь развития человечества началось в конце 80-х, начале 90-х годов с лозунга «построение рыночной экономики». Но на этом пути ещё предстоит многое сделать, ведь экономическая свобода по верному замечанию Милтона Фридмана, есть необходимое условие для политической свободы, но далеко не достаточное.

Вывод

П.Б. Струве был в истории русской мысли одним из самых последовательных защитников экономической свободы и частной собственности. На протяжении всего творческого пути он постоянно подчеркивал огромную положительную культурную роль капитализма и экономической свободы. Уверенность Струве в связи экономической и политической свободы не была голословной, она базировалась на глубоком анализе опыта построения социализма в СССР. Более чем за сорок лет до выхода знаменитой книги Милтона Фридмана «Капитализм и свобода» (1962) [12]. Струве предвосхитил его главную идею: фундаментом и основой политической свободы является свобода экономическая. Эта идея актуальна и для нынешней России. Неукоренённость и отвержении российским общественным сознанием ценностей экономической свободы, частной собственности, производительного труда является важным идейным фактором, препятствующим России стать полноправной частью мировой цивилизации.

Литература

1. Струве П. Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. Выпуск 1. СПб. 1894.
2. Воронцов В.П. Очерки теоретической экономии. Цит. по Струве П. Б. Мои встречи и столкновения с Лениным // Возрождение. Т. 10. – Июль-август 1950.
3. Струве П.Б. Мои встречи и столкновения с Лениным // Возрождение. Т. 9. – Май-июнь 1950.
4. Струве П.Б. Интеллигенция и народное хозяйство // Струве П.Б. Избранные сочинения. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999.
5. Кара-Мурза А.А. П.Б. Струве и развитие им концепции личной свободы // Петр Бернгардович Струве / под ред О.А. Жуковой, В.К. Кантора. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012.
6. Струве П.Б. Итоги и существо коммунистического хозяйства // Струве П.Б. Избранные сочинения. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. С. 317 – 318.

7. Струве П.Б. Фашизм и социализм. Дневник политика №151 / Возрождение. 1927. №:682, 15 апреля // Струве П.Б. Дневник политика (1925-1935), М.: Русский путь; Париж: YMCA-Press, 2004.
8. Струве П.Б. Задачи сегодняшнего и завтрашнего дня и обращение к прошлому. Дневник политика №353 / Россия. 1927. №:16, 10 декабря // Струве П.Б. Дневник политика (1925 – 1935), М.: Русский путь; Париж: YMCA-Press, 2004.
9. Струве П.Б. Идея, власть, личности. Кризис советчины. Дневник политика №230. / Россия и славянство. 1930. №:103, 15 ноября // Струве П.Б. Дневник политика (1925 – 1935), М.: Русский путь; Париж: YMCA-Press, 2004.
10. Струве П.Б. Английские отражения большевизма и евразийства. ДП №284 / Россия и славянство. 1929. №:32, 6 июля // Струве П.Б. Дневник политика (1925 – 1935), М.: Русский путь; Париж: YMCA-Press, 2004.
11. Струве П.Б. Фантом политической реакции и реальность социальной революции. Любительские речи о конце капитализма. ДП №390 / Россия и славянство. 1931. №:157, 28 ноября // Струве П.Б. Дневник политика (1925 – 1935), М.: Русский путь; Париж: YMCA-Press, 2004.
12. Фридман М. Капитализм и свобода. М.: Новое издательство, 2006.

В.И. Вернадский и проблема гуманизации производства и потребления в процессе глобальных трансформаций

к.и.н. проф. Кишлакова Н.М.

Финансовый университет при Правительстве РФ

8-925-184-53-03 nmkishlakova@mail.ru

Аннотация. В статье предпринята попытка осмыслить проблему идеи автотрофности человечества В.И. Вернадского в контексте гуманизации производства и потребления в процессе глобализации. Показано, что эта идея позволяет не только иначе посмотреть на тотально распространенную идеологию потребительского общества, но и дает возможность радикально изменить смысл и предназначение человеческого существования, трансформируя традиционные мировоззренческие и методологические ориентиры и выдвигая в качестве первостепенных гуманистические смыслообразующие вопросы.

Ключевые слова: идея автотрофности, глобализация, гуманизация производства, гуманизация потребления.

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по Государственному заданию Финуниверситета на 2014 год № 795п-П17.

Двадцатый век стал временем широкого распространения понятия «глобализация». Без его осмысления сегодня трудно себе представить сколько-нибудь серьезное научное исследование проблем современного и будущего развития человеческой цивилизации. Анализ существующей философской литературы свидетельствует о том, что философские смыслы, интерпретации и оценки глобализации носят неоднозначный и противоречивый характер, каким собственно является и сам исторически объективный ее процесс. Это обусловлено многообразием тех трансформаций и противоречий, которые вызывает глобализация на всех уровнях функционирования различных социальных организмов, анализ и исследование которых не возможен без выработки соответствующего специфического инструментария.

Онтологическим основанием процесса глобализации выступает трансформирующееся общество в его истории и динамике, порождающее сегодня новую социальную реальность – реальность стремительно изменяющегося кросскультурного пространства – пространства целостной мировой системы. Эта реальность во многом демонстрирует факт потери человечеством действенных инструментов обустройства планеты, которые предполагали бы решение глобальных проблем современности, устранение нищеты, голода, преступности и возможность превращения Земли в общечеловеческий дом [13].